ЭДУАРД ОВЕЧКИН
НАТАЛЬЯ ЩЕРБА
И ДРУГИЕ

Удивительные истории о котах

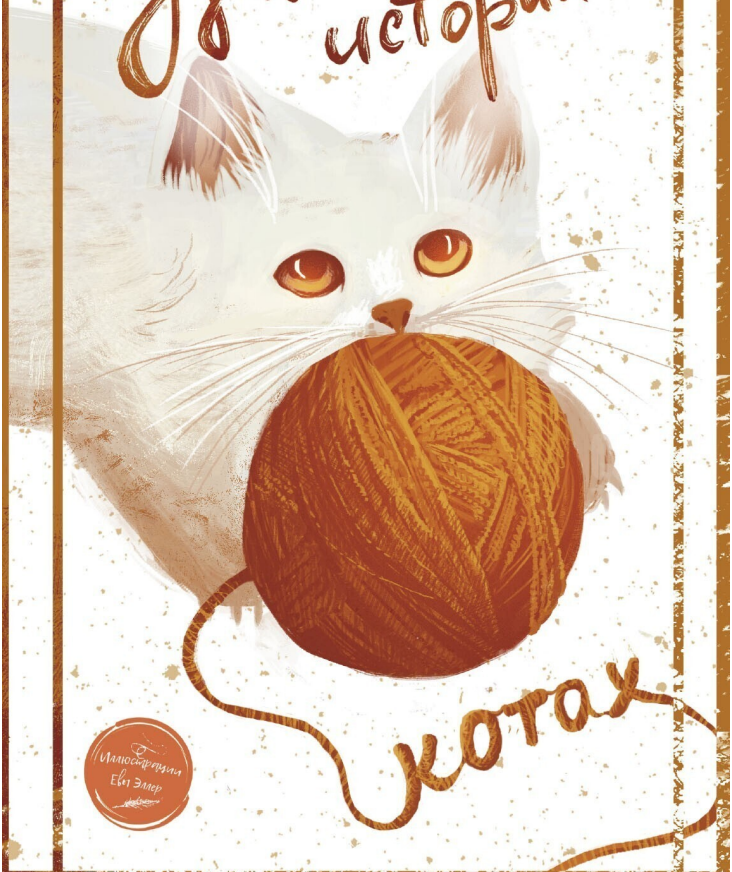


Иллюстрация Евы Эллер

Сборник Сборник
Удивительные истории о котах
Серия «Удивительные истории»

Издательский текст
https://litres.ru/50388062
Удивительные истории о котах: Издательство АСТ; М.; 2019
ISBN 978-5-17-119136-8

Аннотация

С древнейших времен и до наших дней – их рисуют, их обсуждают, о них пишут. Они удивляют нас грациозностью и наглостью, умением тонко чувствовать и преданно любить. Удивительные истории про удивительных животных. Обычный дворовый кот по имени Вася превращается в человека, чтобы заглянуть за пределы двора. Взявшийся из ниоткуда кот спасает Землю от расы инопланетных захватчиков. Ева находит в Израиле странных друзей, очень уж похожих повадками на кошачьих. Света спасает котят от ожогов, вот только откуда огонь и почему хозяйская любимица ведёт себя так по-человечески? На улицах Франции бродяга Кларенс и избалованная Лотти внезапно меняются телами. А Мишина новая кошка, кажется, умерла несколько лет назад. Удивительные истории о котах.

Содержание

Наталья Щерба 5
Тигренок и ключик 6
Котам, с ключом в зубах, не доверяйте 16
Алексей Березин 33
Котик как явление в личной жизни 34
Эдуард Овечкин 39
Как правильно воспитать кота 40
Атомный кот 47
Марина Степнова 55
Зона 55
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Сборник Удивительные истории о котах

© Авторы, 2019
© Е. Полянина, составление, 2019
© Ева Эллер, обложка, ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Наталья Щерба

Тигренок и ключик

На книжных полках вновь случилась драка.

Плюшевая обезьянка и глиняный крокодил-пепельница опять сцепились друг с другом. Вскоре к побоищу подключились остальные жители комнаты: мягкие игрушки и статуэтки, железные роботы и пластмассовые куклы на длинных ножках, даже мелочь из киндер-сюрпризов – все они полезли растаскивать драчунов. В результате с полки упала статуэтка феи и надломила крыло.

Фея зарыдала в полный голос, и те игрушки, что подремывали, проснулись окончательно и стали спрашивать друг у друга, что случилось.

Тигренок давно не спал. Он был заводной и поэтому любил двигаться больше других. Вначале он помог фее приладить крыло на место, а после – подняться по маленькой веревочной лестнице на ту самую книжную полку, где случилось несчастье. Обезьянка и крокодил-пепельница в суматохе улизнули, так что найти и отчитать этих забияк не представлялось возможным. Взволнованные матрешки с самой-самой верхней полки, где вообще не было никаких книжек, осуждающе покачивали головами в платочках. Рядом с ними шипели и свистяще ругались новогодние игрушки из старой помятой коробки: им до следующего декабря еще

полгода спать, а их так неожиданно разбудили!

Но вскоре жители полок успокоились и занялись привычными делами, – вон, какая красивая звездная ночь за окном. А до утра, когда начнется время людей и игрушки будут притворяться неживыми, еще очень много времени. Краем глаза Тигренок заметил, что в старинных часах на стене зажегся в узком окошке свет – значит, его подружка-кукушка проснулась и можно идти к ней пить чай с шоколадными конфетами.

Вот тогда Тигренок и обнаружил, что у него пропал ключик.

Кыш был идеальным черным котом. Он жил на крыше, носил красную бандану и круглую золотую серьгу в правом ухе. А еще он курил большую курительную трубку. Маленький заводной тигренок восхищался своим уличным другом и даже немножко боялся его, потому что Кыш был невероятно умным котом и многое знал о жизни. Он часто говаривал, что свое имя получил неспроста, а в результате тяжкого социального противостояния котов и людей. Кыш любил одиночество, поэтому Тигренок заходил к нему нечасто, только при крайних обстоятельствах.

Вот и сейчас, перейдя по балконному бортику и вскарабкавшись по шаткой водосточной трубе на самый верх, он знал, что увидит друга лежащим на парапете – кот любит выкурить в хорошую звездную ночь свою длинную, почти в его

рост, трубку.

– Скажи, Кыш… – опасливо начал Тигренок. – А не бывало у тебя такого, ну… чтобы ты терял часть самого себя?

Кот на это хмыкнул и пустил красивое дымное кольцо в чернильную высь.

– Нельзя потерять часть себя, – назидательно произнес он. – Можно потерять лицо, посеять имя или расстаться с умом. И все равно ты останешься цельным.

– Может, у вас, уличных котов, немного иначе, – печально вздохнул Тигренок. – А вот с игрушками такое случается.

– Пусть я уличный кот, зато свободен, – неожиданно сказал Кыш. А подумав, добавил: – У меня нет теплого дома, зато я не игрушка.

Тигренок не обиделся на него за эти слова. Что-то было в них правильное и беспощадное, а такие вещи наш герой любил, потому что он был пусть игрушечным, но все же тигром, а не, скажем, матрешкой или пепельницей.

– Такое дело… – начал развивать мысль Тигренок. – Короче, я потерял ключик. От себя.

– Ключик? – Кыш так удивился, что опустил трубку. Тигренок видел его глаза – большие и желтые, блестевшие в полутьме, словно два живых факела.

– Это в каком аспекте? – жадно поинтересовался кот. Он был весьма охоч до философских дискуссий, но, видать, не ожидал, что Тигренок также разделял его пристрастие.

Вместо ответа Тигренок повернулся и показал коту спину

– там зияла черная прорезь.

– А-а, – глубокомысленно протянул кот, и взор желтых факелов несколько угас. – Это меняет дело… Видишь ли, – продолжил он мгновение спустя. – У тебя серьезная проблема.

– Правда?! – испугался Тигренок. – Я так и знал…

– Ну посуди сам, – кот опять попыхтел трубкой. – Если ты потерял ключик от самого себя, то когда-нибудь, если ты выйдешь из себя, не сможешь вернуться.

– Да, наверное, так и будет, – печально кивнул Тигренок. – Но хуже всего – я не могу завестись. А я люблю заводиться – можно громко рычать и скакать по полкам даже в дневное время, когда все остальные предпочитают молчать и спать.

– В таком случае, мой маленький «рыкливый» друг, нам следует как можно скорее найти твой ключик.

Кот поправил сбившуюся на ухо бандану – ярко блеснула, отразив блик фонаря на улице, золотая серьга – и встал на все четыре лапы.

– Где ты был вчера? – деловито спросил он друга.

Тигренок подумал.

– У Кукушки. Я всегда с ней пью чай с шоколадными конфетами.

– Тогда пошли к ней. – Кот потянулся, поднял хвост трубой, и они затрусили вместе с Тигренком по парапету.

Кукушка так удивилась их появлению, что даже попыта-

лась взлететь, хотя была деревянная – от клюва до кончика хвоста.

Кыш целиком в ее домик не влез, но из вежливости засунул в дверь голову, а задними ногами довольно успешно балансировал на дверце шкафа.

Выслушав про неприятность Тигренка, Кукушка тут же дала им совет.

– Надо спросить у Мыши, – сказала она, опасливо косясь на Кыша. Кот изо всех сил старался казаться добродушным. Хотя это весьма непросто, когда в гостях одна голова.

– Я думал, что оставил ключик у тебя, – опечалился Тигренок.

– Нет-нет, я только что убирала в домике. – Кукушка махнула крылом, задев усы Кыша. Она тут же сконфузилась и еще быстрее продолжила: – Твой ключ, Тигренок, скорей всего, упал на пол. А хозяйка пола и подполья у нас Мышь. Правда, она очень злая и недружелюбная… И ни с кем не дружит. Все, что потерялось или плохо лежит, – можно найти у нее.

– Ну что ж, Мышь я возьму на себя, – ухмыльнулся Кыш и, попрощавшись с Кукушкой, с облегчением выскользнул наружу.

– Не понимаю, как можно жить в таких маленьких домиках, – сообщил он Тигренку. – Как люди вообще живут в квартирах, когда в их распоряжении целая крыша, а над ней – огромный небосвод… и никакого тебе потолка.

Тигренок был согласен, хотя, на его взгляд, крыша имела серьезный недостаток – там дуло, и мог пойти дождь, из-за которого он лично тут же бы заржавел.

Мышь обитала в правом нижнем углу комнаты, прямо за стойкой для телевизора. В ее норе было много всякого хлама: старого тряпья, засохших огрызков яблок, гвоздей и кусков кабеля, рваной бумаги – и даже целая коллекция перламутровых пуговиц.

– Чего пожаловали? – буркнула Мышь, лишь завидев гостей.

Кыш ее не испугал, наоборот, она с деловитым интересом разглядывала его усатую морду в бандане.

– Настоящая? – полюбопытствовала Мышь, тут же оценив золотую серьгу.

– От прабабушки, – мигом отозвался Кыш. – Но я подарю ее вам, любезная Мышь, если вы отдадите моему другу его ключик.

Тигренок кивнул и показал пустую щель в своей игрушечной спине.

– У меня есть ключи. – Мышь жадно блеснула глазами, косясь на серьгу Кыша. – Пусть выбирает любой.

Порывшись в каких-то старых тряпках, Мышь извлекла на свет целую связку блестящих, отполированных ключей. Был здесь и ключ от шкафа, и ключ от комода, и ключ от тумбочки, и много игрушечных пластмассовых ключиков, и даже чей-то ключ от входной двери.

– Моего нет, – внимательно рассмотрев все экземпляры, вздохнул Тигренок.

– Примерь все, вдруг какой-нибудь подойдет? – посоветовала Мышь.

Это была здравая мысль. Даже Кыш, усевшись на задние лапы, с любопытством вытянул шею.

Но ни один из ключей не желал подходить. А самый здоровый – от шкафа – даже застрял, и Кышу пришлось вытаскивать его из прорези зубами.

– Выходит, нельзя открыть себя заново чужим ключом, – произнес он. – Или завести, как в твоем случае, – обратился он к Тигренку.

– Скорее всего, – согласился друг.

Мышь от расстройства надула щеки. Кажется, она что-то обдумывала.

Проницательный Кыш сразу это подметил.

– Вы хотите нам еще что-то сказать, любезная Мышь? – прищурив желтые глаза, произнес он.

– Да-да, – ответила Мышь. – Но эта информация будет вам дорого стоить.

– Просто за слова серьгу не дам, – мгновенно отозвался Кыш.

– Тогда бандану, – мигом среагировала Мышь, которая умела да и любила торговаться.

– По лапам. – Кыш торговаться не любил, но тоже умел.

Красный платок перекочевал на голову Мыши, отчего вид

у нее стал таинственный и залихватский.

– А теперь слушайте, – торжественно изрекла Мышь. – Несколько часов назад плюшевая обезьянка что-то нашла на полу… А после, когда она прыгала на самый верх шкафа, случайно уронила находку прямо на пепельницу-крокодила. Именно из-за этого они и подрались.

– Но как же их найти? – расстроился Тигренок. – Они вряд ли вылезут, потому что на них все игрушки злятся за устроенный бардак.

– Советую спросить у елочных новогодних игрушек. – Мышь достала маленькое зеркальце и, поглядевшись в него, поправила бандану. Кыш это увидел и недовольно поморщился. – Их разбудили, – добавила она. – Поэтому они сейчас бодрствуют и наблюдают за всеми со скуки.

Забравшись с помощью друга кота на самую верхнюю книжную полку, Тигренок тут же обратился к старой пыльной коробке, из-под которой выглядывали рассерженные елочные игрушки. Но оказалось, что никто из них ничего не видел. Когда произошел конфликт, они еще спали.

– Смотрите! – вдруг выкрикнула маленькая стеклянная Снегурочка. – Что это тащит на спине плюшевая обезьянка?

Кыш не стал медлить: изогнувшись, он совершил небывалый прыжок вниз и тут же прижал лапой убегающую обезьянку.

– Я ничего не сделала! – сразу заверещала она.

– Тогда почему ты убегаешь? – деловито мяукнул Кыш.

– Кто ничего не сделал, обычно стоит на месте и никуда не движется.

– Я хочу перепрятать одну вещь! – возразила обезьянка. – Чтобы крокодил не отобрал.

Тут уже подоспел Тигренок – спуск по веревочной лестнице занял у него немного времени.

– Вот он! – радостно воскликнул Тигренок. – Мой ключик!

В руках у обезьянки действительно был его ключик – крошечный, металлический, родной.

– Это мой! – снова заверещала обезьянка. – Я его нашла!

– Но он тебе не подходит, – возразил Кыш.

– Все равно! – не уступала обезьянка. – Нечего было терять!

Кыш вздохнул и отцепил от уха золотую серьгу.

Обмен произошел мгновенно: забыв о ключике, наглая обезьянка радостно примеряла серьгу – золото каждому по душе. Друзья тут же оставили ее. Тем более к вредине уже подбирались с разных сторон Мышь в красной бандане и крокодил-пепельница.

Тигренок от радости сразу завелся и заскакал на месте. Но через некоторое время он остановился и обеспокоенно произнес:

– Послушай, Кыш! Ты ведь потерял из-за меня и серьгу, и бандану! – и Тигренок тут же расстроился.

– Не переживай, – поспешил заверить его черный кот. –

У меня есть много серег и новых платков.

Тогда Тигренок горячо поблагодарил друга за помощь и решил пойти в гости к Кукушке и рассказать всю эту необыкновенную историю. А Кыш, попрощавшись с ним, тут же поспешил на крышу: он любил перед самым рассветом выкурить трубочку-другую.

У него не было больше ни новой золотой серьги, ни еще одной банданы. Но разве это так важно, когда ты помог другу найти часть себя?

И, довольный этой мыслью, черный кот не спеша набил табаком свою трубку и закурил.

Котам, с ключом в зубах, не доверяйте

Вовка – мой настоящий, самый лучший друг.

Мы с ним очень непохожие: я сам по себе тихий, даже застенчивый. Хотя нет, осторожный. А Вовка, наоборот, отчаянный и бесшабашный, «сорвиголова», как говорит его мама. Мы учимся в параллельных классах и даже в спортивные секции ходим разные: Вовка – на бокс, а я – на шахматы (так папа мой захотел).

Но у нас есть общее дело: гулять по разным улицам и переулкам, пустырям и свалкам, воображая, что мы путешественники, или исследователи, или даже великие первооткрыватели – покорители новых неразгаданных миров.

Эх…

А ведь все началось два года назад, с Кривой улицы. Да, именно в тот день случилось то, что перевернуло нашу беззаботную радостную жизнь с ног на голову…

Мы с Вовкой, привлеченные необычным и смешным названием улицы, свернули в тихий зеленый переулок, но ничего особенного не встретили: малыши, возящиеся в песочницах, шепчущиеся бабки на лавочках, несколько мальчишек на велосипедах…

– А пошли отсюда, – разочарованно протянул Вовка, и я уже было согласился, как увидел кота.

Черный, довольно крупный кот вырулил из первого подъезда пятиэтажки, воровато оглядываясь по сторонам, держа в зубах что-то темное и блестящее. Увидев нас с Вовкой, он замер. Я шикнул на котяру, и тот, уронив ношу, жалобно мя-

укнул и скрылся в кустах. На меня никто не обращал внимания, и я поднял с земли загадочный предмет.

Это был ключ. Длинный, потемневший от времени железный ключ с красивыми, узорчатыми зубцами на бородке.

– Ух ты, – восхитился за моей спиною Вовка, – классная вещь! Кажись, старинный какой-то.

– Интересно, чей он? – Я задумчиво покрутил ключ в руке.

Между тем погода начала быстро портиться. Даже очень быстро. Ветер усилился, небо набухло и почернело, нависнув над городом темным стадом туч.

Двор стремительно опустел.

– Слушай, – жарко зашептал мне в ухо Вовка, оглядываясь, – если есть ключ, значит, есть и дверь, – он усмехнулся. – Кот из этого подъезда вышел, верно? А ключ непростой, явно не от квартиры… Может, заглянем в подвал, а?

Я поежился. Идея, конечно, хорошая, но сулит некоторые неприятности: в прошлом году мы забрались в подвал родной девятиэтажки и встретили дворника дядю Мишу, как раз закрывающего свои метлы-ведра. Ух, и попало нам тогда от родителей!

Но ключ приятно тяжелел в моей руке, маня и завлекая, обещая удивительные сюрпризы. А ветер, распаляясь, дул все сильнее, тучи пыжились, будто от злости, и наконец прорвались первыми гневными каплями, не оставив нам выбора.

– Бежим туда. – Витька схватил меня за руку, и мы прыгнули в черное нутро незнакомого подъезда, откуда вышел странный кот, имевший тягу к ключам.

Теперь, по прошествии двух лет, мне казалось странным обстоятельство, что я совсем не придал значения тому, что кот нес в зубах не колбасу, не кусок мяса или, скажем, дохлую мышь, а именно железный ключ.

Дверь в подвал была приоткрыта, оттуда шел слабый электрический свет, и Вовка решительно ступил на узкую лестницу, ведущую вниз. Я, не без опаски, последовал за ним, и вскоре мы очутились в тесном, плохо освещенном полуподвальном коридоре с низким сводчатым потолком.

– Ух ты, как в старинном погребе, – восхитился Вовка.

– Откуда ты знаешь, какой с виду старинный погреб? – поддел я друга, но в душе был с ним согласен: замечательный подвал – жуткий, мрачный, таинственный.

Вдоль стен тянулись обитые железными полосами двери – «камеры пыток», как окрестил их Вовка, а на полу были настелены ровные желто-серые доски – «корабельная палуба!» – восхитился я. И мы пошли по коридору, скрипя дощатыми половицами, пробуя дверные ручки, но все двери были закрыты.

– Давай испытывать твой ключ, – предложил Вовка и протянул руку.

Но я отстранил его и сам вставил ключ в первую замочную скважину. Вернее, попытался, ибо ключ не подошел. И тут

только мне пришла мысль, что, возможно, мы вторгаемся в чужую собственность, а это чревато всякими неприятностями. Я сказал об этом Вовке.

– Ты что! – возмутился он. – Мы же только заглянем, и все! А ключ оставим в скважине замка. Да нам еще спасибо скажут за это!

Ключ подошел к самой последней двери. Он легко проник в замочную скважину, повернулся два раза, и дверь с легким щелчком открылась.

А вот этого мы никак не ожидали: перед нами дрожала серая дымовая завеса.

Сначала мы подумали, что начался пожар, но вот какая штука: туман клубился и извивался, словно состоял из сотни маленьких тучек, вздумавших побегать друг за другом, но ни на сантиметр не переступал порога загадочного помещения. А еще оттуда тянуло сыростью и плесенью.

– Как ты думаешь, что это? – спросил я дрожащим голосом. Честно говоря, я же не был таким смелым, как Вовка, а увидев подобное, совершенно непонятное, порядком струсил.

Но Вовка всегда был очень храбрым, это точно… И сейчас, лишь чуть-чуть помедлив, он быстро погрузил руку в туман и тут же отдернул. Ничего страшного не произошло. Тогда Вовка решительно погрузил две руки.

– Там холоднее, в тумане, – изрек он с видом настоящего исследователя, – будто в холодный кисель окунаешься.

– Идем домой, – струсил я окончательно, – это мне не нравится.

– Нет, – решительно заявил Вовка, – я хочу узнать, что за туманом.

И шагнул в серую мглу.

Знаете, я, конечно, боязливый и осторожный, но оставить друга одного в неизвестном месте… Поэтому, крепко зажмурившись и зажав рукой нос, я ринулся вслед за Вовкой.

Ощущение было такое, будто я нырнул в густой суп или манную кашу, но разобраться не успел, ибо сразу выскочил – туман длился не более полутора метров, а может, и меньше.

Закрытые веки резко обожгло огнем. После леденящего тумана данное обстоятельство вызвало чуть ли не состояние шока. Мне понадобилось некоторое время, чтобы попытаться открыть глаза, и все равно они слезились. Место, куда я попал, было необыкновенным: узкий и длинный коридор, и вроде какой-то кривой, где стены, потолок и пол были сплошь укрыты зеркалами. Странный голубоватый свет, шедший неизвестно откуда, отражался в их бессчетном количестве, и создавалось впечатление, будто здесь находится добрая сотня включенных электрических ламп.

Дым позади исчез. Вместо него было ровное гладкое зеркало. Однако, когда я тронул его рукой, оно с легкостью поддалось, приоткрывая туманную «штору». Я облегченно вздохнул, – хоть с этим все было в порядке, но…

Вовки нигде не было. Разувшись, чтобы обозначить кроссовками место, откуда вышел, я двинулся вперед по коридору, по левой стороне. Пол мягко пружинил под ногами, глаза привыкали к необычному свечению.

Зеркала, зеркала, зеркала… Странно, но сам коридор как-то странно загибался вправо, как будто по кругу, и я не очень удивился, увидев вскоре свои синие кроссовки, темнеющие на зеркальном полу. Я пришел обратно, но Вовку-то я не встретил! И еще, передо мной клубилась туманная завеса – выход наружу… Кто-то открыл ее? Вовка?

И вдруг из тумана вынырнул кот. Тот самый черный кот, которого я спугнул на улице. Не обращая на меня никакого внимания, он, коротко мяукнув, затрусил по коридору и направился так же, как и я, в левую сторону. Я так удивился появлению черного кота, что даже на мгновение позабыл про Вовку. Поэтому, увидев друга, показавшегося с левой стороны, где уже исчез кот, я очень обрадовался.

Но Вовка почему-то двигался спиной вперед, пятясь как-то по-кошачьи – пружинистыми шагами.

– Вовка, представляешь, сюда тот самый черный кот пришел! Проник через туман…

Вовка ничего не ответил, быстро продолжая пятиться, промелькнул возле меня и исчез за поворотом в правой стороне. Я только успел заметить, что глаза его были закрыты.

И тут меня начала бить крупная дрожь, как будто я погрузился в ведро со льдом по самую макушку. Потому что было

очень страшно видеть друга в таком непонятном состоянии. Что с ним происходит?

Не успел я как следует ужаснуться, как мимо меня прошмыгнул кот с чрезвычайно довольной мордой: животное, подняв передние лапы, двигалось на задних, совсем по-человечьи, в противоположную Вовке сторону.

Мимо меня опять пронесся Вовка, и двигался он, хоть и спиной, но намного быстрее, чем в первый раз. С другой стороны, описывая такие же круги, как и Вовка, стрелой промелькнул, раскинув лапы, кот, как будто пролетел, подхваченный порывом ветра…

Я застыл. Будто врос в проклятый зеркальный пол и совершенно не знал, что предпринять…

И тут началась полная катавасия: Вовка задвигался так быстро, что расслоился на тысячи одинаковых Вовок, как будто бегущих друг за другом тесной шеренгой, но то же самое происходило и с котом, только летел он в другую сторону. Вовки и черные коты так быстро замелькали, что перемешались во что-то пестрое и неразборчивое, перед глазами у меня все поплыло, и я осел вниз.

…Над ухом жалобно мяукнули.

Я открыл глаза и встретился с зелеными кошачьими глазищами, совершенно одурманенными. Рядом, стоя на коленках, тряс головой Вовка.

– Вовка, ты жив? – обрадовался я чрезвычайно.

Вовка перестал трясти головой, поднялся и вдруг резко схватил кота за шкирку и кинул его за туманную завесу. И еще крикнул зло вдогонку:

– Пшел вон!

– За что ты его так? – удивился я.

Вовка пожевал губами, почесал нос, подумал и обратился ко мне:

– Шел бы ты домой, мальчик.

И мяукнул – очень натурально.

Я обомлел.

– Ты чего?! – перепугался я не на шутку, подумав, не повредился ли Вовка головой от этих чудных гонок.

Вовка еще пожевал губами, повертел головой, поразминал пальцы, зачем-то потрогал свои уши и произнес:

– Кто?

– Мишка…

– Шел бы ты домой, Мишка.

Но я уже все понял и сильно запереживал.

– Вов, ты только не волнуйся… Сейчас мы выйдем из этого проклятого места, пойдем к врачу… или нет, к твоей маме.

Вовка опять пожевал губами (это начало меня раздражать) и согласился:

– Можно к маме. Пойдем.

Дождь на улице закончился, но уже порядком стемнело. Дома волнуются небось…

Кота нигде не было.

– Ой, а где же ключ? – спохватился я. – Мы его в скважине оставили!

– Забудь! – отмахнулся Вовка. – Это теперь не наша забота.

– Но все же… – начал было я, но Вовка перебил меня:

– Послушай… Мишка… ты не мог бы меня домой отвести, что-то я совсем плох, – он потер виски и вдруг, пошатнувшись, начал медленно оседать на асфальт. Я быстро ухватил его под локоть и побрел вместе с ним к нашему двору.

– Отвык, отвык, да, отвык… – повторял Вовка как заведенный, и я все больше беспокоился за его здоровье.

Провел я его, как сейчас помню, до самой квартиры, позвонил в дверь, поговорил со встревоженной мамой, сразу определившей, что Вовка болен и имеет высокую температуру, выслушал речь о том, что «кто же гуляет под таким дождем?!», и ушел, так и не дождавшись от Вовки хотя бы «пока»…

…Вовка перестал общаться со мной, даже избегал меня, не отвечал на телефонные звонки. Сначала меня это беспокоило, но потом я узнал, что у лучшего друга все хорошо: в классе он стал первым учеником, выиграл олимпиаду по физике, у него появились новые друзья, и даже, по слухам, он начал встречаться с девчонкой Олей из соседнего двора.

Но что-то меня беспокоило. По ночам мне часто снился

черный кот. Он протягивал ко мне мохнатые лапы и просил принести ему молока или хотя бы рыбку…

Вовка встретил меня хмуро. Увидев, что я собираюсь войти, он даже собирался закрыть дверь, но я оказался быстрее и успел поставить ногу:

– Надо поговорить.

– Ладно, заходи. – Вовка повернулся спиной и побрел по коридору.

В комнате, когда-то такой мне знакомой, все переменилось. Начать хотя бы с того, что исчезли боксерские перчатки, висевшие над кроватью, и большая карта мира во всю стену. Мы так часто с Вовкой мечтали, как объедем вместе весь земной шар, – не забудем на своем пути ни одной страны, ни одного уголочка планеты, даже самого неисследованного…

– Ты боксом еще занимаешься? – осторожно спросил я, приметив, что на книжных полках прибавилось книг, и преимущественно учебников, что для Вовки вообще не характерно!

Вовка резко повернулся, вперившись в меня долгим испытующим взглядом: темно-карие глаза его, казалось, хотели прожечь во мне дырку.

– Чего надо, собственно? – спросил он незнакомым голосом.

Вглядываясь в темные зрачки его глаз, я вдруг понял,

ощутил, почувствовал, что передо мной не Вовка. Это был чужой взгляд, абсолютно чужой.

– Я не твой друг Вовка, – как будто подтверждая, сказал он, и я ему сразу поверил.

А дальше я услышал совершенно невероятную историю. Что когда-то этого мальчишку, который сейчас стал Вовкой, звали Игорем, и он тоже встретил черного кота с ключом в зубах. И кот сам повел его за собой в подвал, мальчишка тоже проник через туман и совершил… превращение. Стал котом, а кот – Игорем. Три года ушло на то, чтобы понять, что надо отдать кому-то ключ, чтобы превратиться обратно в мальчишку. Но попытки были неудачными: выбранные котом «жертвы» не хотели лезть в подвал, как он ни пытался их завлечь, а раз даже унесли ключ с собой, и ему пришлось полгода караулить одну квартиру, прежде чем вернуть себе ключ… И тут неожиданно такое счастье: мы сами полезли в подвал.

– А где же… Вовка? – прошептал я, хотя и так уже догадался.

«Вовка» вздохнул.

– Он уже не сможет превратиться в меня… то есть в себя. Я сразу попробовал. Тот, кто стал мною, объяснил мне, что обратного превращения не происходит. И даже предложил побегать в противоположную сторону зеркального коридора. Почему-то ускорение для превращения происходит, если бежать именно так: человек в левую, а кот – в правую

сторону.

– Послушай… а если бы я тоже пошел в правую сторону? – ужаснулся я.

Мы помолчали, думая о своем.

– А родители, что, ничего не заметили? – подумал я вслух.

– Заметили, – невесело усмехнулся «Вовка», – но списали всё на переходный возраст.

– Так надо же выручать Вовку! – сказал я решительно. – Ты должен вернуться туда…

– И опять стать котом? Копаться в мусорных баках? Нет уж! – Вовкины глаза сузились. – Кроме того, я же тебе говорил, обратное превращение невозможно. Дело тут в замедлении времени, я прочитал в учебнике по физике…

– В чем дело? – Физика не была моей сильной стороной.

– Есть такая штука – замедление времени, – терпеливо начал объяснять «Вовка». – Когда у одного (в нашем случае человека) время замедляется, а у другого (в нашем случае кота) убыстряется. Один видит, что у другого время течет быстрее, а другой, наоборот, наблюдает, что у первого время течет медленнее…

– Ну и?

– Я специально изучал этот вопрос, – сказал «Вовка», – то пространство само как часы: свет отражается от одного зеркала к другому за равный промежуток времени… ты знаешь, мне кажется, в этом зеркальном коридоре время остановлено или, вернее, замедлено.

– Но как же такое возможно?

– В том-то и дело, что невозможно, – глубокомысленно изрек ненастоящий Вовка, но сделал это совсем как настоящий…

– Понимаешь, – продолжил он, – в зеркальном коридоре как бы сдвигается ощущение реальности, то есть тебе казалось, что движутся кот и мальчишка, а на самом деле двигался сам коридор.

– Но я-то никуда не двигался?

«Вовка» окинул меня оценивающим взглядом.

– Ты уверен? – спросил он.

Конечно, я уже сомневался. А еще подумал, что буду больше времени уделять физике.

– Ну а обратно-то поменять их местами можно? – с надеждой спросил я.

– Нет. Время прошло, обратно его не вернешь. Его можно только замедлить или растянуть… – «Вовка» поднял брови, мол, как же ты не понимаешь? – Это, брат, теория относительности, – он многозначительно поднял вверх указательный палец. – Парадокс времени.

– Угу. – Я почти ничего не понял, и от этого мне стало еще тоскливее.

– Я думаю, – «Вовка» отвел глаза, – есть только один выход: ты должен привести какого-нибудь другого мальчишку и тем самым… э-э… спасти своего друга.

Я подавленно молчал.

– И еще… По-моему, превращение можно совершить лишь тогда, когда идет дождь или перед дождем… Наверное, это связано с тем, что атмосфера сильно разряжается, большая влажность, много озона выделяется…

…Гроза была страшной. А я бежал и бежал к знакомому переулку, громко шлепая по хлюпающим, бурлящим лужам, стараясь заглушить удары собственного сердца.

Увидел его сразу: мокрый жалкий комочек из черной слипшейся шерсти дрожал в подъезде возле негреющей батареи. Я встретился глазами с затравленным, безнадежным взглядом, как мне казалось, совсем человечьим…

Глубоко вздохнул, поднял взмокшего кота на руки, выдрал у него из зубов ключ и шагнул вместе с ним в подъезд.

Я знал, что надо сделать, и иначе поступить не мог. Старался не думать, что теперь придется добывать еду в мусорных баках…

– …Вот это подвальчик забабахали, да?! – восхитился рядом Вовка.

Я очнулся – из ушей будто вытащили вату. Огляделся.

Э, да мы же еще в подвале, – вон, моя рука держит ключ… Я только что вставил его в скважину и даже успел раз повернуть… Так это что, мне привиделось?

– Ну что же ты, давай, – поторопил меня Вовка, блестя глазами от любопытства.

– Не подходит, – сказал я ровным голосом, – и тут не подходит… застрял.

– Черт, – расстроился Вовка, – а я так надеялся… А нука еще попробуй.

Я сделал вид, что стараюсь с усилием повернуть ключ, а потом резко вырвал его из скважины.

– Дай я, – протянул к нему руку Вовка, но я приложил палец к губам:

– Ш-ш… Слышишь, идет кто-то?!

Вовка замер.

– Надо выбираться, – я взял его за руку и решительно потащил к выходу.

Дождь уже прошел, посвежело, и в воздухе разлился густой аромат душистого теплого вечера.

Я размахнулся и закинул ключ далеко в кусты.

– Зачем?! – воскликнул Вовка, с тоскою проследив за его полетом.

Мне показалось, что в кустах мелькнула чья-то черная тень.

Кот?!

– Идем домой, волнуются небось…

– Ага, – легко согласился Вовка, – слушай, Мишка, а ты знаешь Ольку с соседнего двора? Симпатичная такая девчонка…

И мы, не торопясь, пошли по улице, все больше удаляясь от странного дома.

Я, конечно, думал, что ж это было: галлюцинация? Или время убыстрилось надолго, прокрутив мне картинку будущего, – что-то вроде предупреждения?

– Погоди, – я остановился и бегом бросился назад, к кустам.

– Послушай, кот! Пушок, Кузька, э, Игорь, ты приходи ко мне жить. – Я назвал адрес. – Блюдце молока у меня всегда найдется… Хорошо?

Кусты ответили молчанием.

– Эй, ты что там? – Вовка удивленно топтался на месте, и я бегом бросился к нему.

И мы пошли домой.

Из кустов, ломая ветки, выскочил крупный черный кот с большим ключом в зубах и, воровато оглядываясь, быстро затрусил к подъезду.

Алексей Березин

Котик как явление в личной жизни

Женька расстроена. Непонятно, где теперь порядочная девушка должна искать нормального мужика. Такого, который будет и по дому работать, и Женьку уважать. Женьке всего двадцать пять, а жизнь ее уже юдоль скорбей и печалей, и каждый встречный норовит добавить немножко печали от себя лично.

Вот, к примеру, Вовка. Казалось бы, мужчина порядочный, очки даже носит, сам умеет гладить брюки. Мечта, а не мужчина, хоть сейчас на выставку достижений народного хозяйства. Она думала, у них все хорошо, даже немножко влюбилась, и еще велосипед купила, чтобы летом ездить вдвоем в Михайловку. Никто не предупредил Женьку, что нельзя влюбляться в мужчину, если у него очки и стрелки на брюках. Оказалось, такие экземпляры самые опасные, ты его любишь-любишь, лепишь ему вареники на день рождения, а потом он однажды звонит и признается в любви.

– Понимаешь, – говорит, – я влюбился, зай.

И ты ему такая:

– Ой, я тоже в тебя влюбилась!

И вот тут оказывается, что влюбился он в какую-то Людку, а признается в этом тебе. Что за Людка такая, неизвестно. Ясно только, что дура, и рожа у нее козья. Будьте счастливы, уроды, вы нашли друг друга.

Женька трубку бросила и ушла на балкон курить. Господи, как вредно для здоровья общаться с мужчинами. Шесть месяцев не курила, и вот пожалуйста – пять минут разговора с мужчиной, и вся сила воли коту под хвост. Надо бы выведать номер этой Людки, предупредить ее, с каким канцерогеном она связывается.

В этот момент на балкон к Женьке пришел котик.

У Женьки дом построен так, что по балконным перилам можно обойти кругом все здание, если возникнет желание и вестибулярный аппарат не будет возражать. У котика с вестибулярным аппаратом все было в порядке, вот он и пришел. Серенький такой, на лице печать страдания, в желудке киты поют свои скорбные песни. Спрыгнул с перил на пол, сел между старым тазом и велосипедом и говорит:

– Мяу!..

Страдальческим таким тоном – сразу ясно, что котик в жизни повидал разное, и желудок от голода сводит так, «что все лапки замерзли, можно у вас погреться на кухне, рядом с мясом?»…

– Даже не подлизывайся, – сказала Женька. – Знаю я вас, мужиков. Ты же мужик, верно?

Приподняла его за лапки, развернула к себе кормой, котик оказался мужик.

– Значит, тоже сволочь, – заключила Женька. Сволочь благодарно замурлыкала. Ну вот как прикажете сердиться?..

Пришлось унести котика на кухню. В кастрюле с супом

нашлось куриное крылышко. Женька сервировала котику шведский стол в миске на полу. Котик открыл рот ровно два раза, первый раз, чтобы проглотить крыло целиком, не жуя, со всеми его зигзагами. А второй раз – чтобы спросить: «Мяу еще чего-нибудь?..»

Женька поняла, у котика в жизни неприятности. Жизнь сложилась неудачно, жена его бросила, с работы выгнали, хозяева не кормят. Может, даже держали его дома взаперти, заставляли день и ночь работать по хозяйству. Потом однажды окно осталось открытым, и котик перегрыз зубами свои цепи и сбежал. Спустился с восьмого этажа по водосточной трубе и оказался на Женькином балконе. Нельзя же просто выкинуть беглого котика вон из квартиры, даже не покормив?..

Она положила в миску пару ложек сметаны и два вчерашних пельменя, все это исчезло внутри котика за пару секунд. Потом Женька разбила сырое яйцо. Яйцо разбилось случайно, Женька зацепила его локтем, когда вынимала из холодильника творог для котика, и оно упало. Котик втянул его в себя одним вдохом, чуть не подавился скорлупой.

– Силен ты жрать, – сказала Женька.

Котик взглянул на нее грустными глазами, в которых читалось, что он хотел бы рассказать обо всех тяготах и унижениях, с которыми ему довелось столкнуться в последние годы. Хотел бы, но не может. Пасть занята творогом.

В котика поместились еще четыре крабовых палочки, консервы из тунца и бóльшая часть йогурта, прежде чем он

икнул и отпал от миски. Котик уселся на задницу, мяукнул:

– Сейчас… Еще молочком запью… И я в порядке.

– Надо тебя помыть, – сказала ему Женька. – И расчесать. У тебя, наверное, блохи. У моего бывшего тоже были, я вас, мужиков, хорошо знаю.

Пока котик находился в сытом коматозе, она унесла его в ванную, намылила собственным мылом, ополоснула под душем. Котик говорил:

– Не одобряю я этого, – но в целом не сопротивлялся.

Потом Женька устроила котика на ПМЖ под батареей, отдала ему плед, чтобы ему было мягко. Потом вышла на балкон, ей хотелось посмотреть, откуда все-таки пришел котик. Высунулась за перила, тут-то ее и окликнула бабулька с соседнего балкона.

– Девушка, а вы кота здесь не видели, скотину нашу серую? Не знаю, то ли вниз идти искать, то ли он по перилам ушел.

Оказалось, котик постоянно практикует гостевой брак. Уходит к соседям, жалуется на судьбу. Потом оприходует холодильник, выспится, и домой.

– Мужик, что с ним сделаешь, – пожаловалась хозяйка котика. – Они все такие. Так я к вам отправлю внука, он заберет кота, хорошо?..

Пришел соседский внук, пропорциями молодой викинг в футболке, только без шлема и топора. Женька открыла дверь и покраснела. Знала бы раньше, что по соседству такие вну-

ки, давно бы выкрала котика самостоятельно.

Внучок сказал:

– Я за котом, – тоже покраснел и добавил: – Много он сожрал?.. Я оплачу, если надо.

Женька ляпнула первое, что пришло в голову:

– Примерно как ужин в кафе.

Так что завтра Женька идет в кафе, принимать выкуп за котика. Котик, конечно, оказался негодяем, но из этой ситуации можно извлечь пользу.

Может, хотя бы викинги ведут себя порядочнее, чем котики.

Подержим пальцы крестиком.

Эдуард Овечкин

Как правильно воспитать кота

Жила у нас одна семья в городке – мой друг Андрей, офицер из соседнего корпуса, и его жена Лариса, домохозяйка. Все у них было хорошо, но вот не получалось никак детей завести: и так и этак пробовали, но всё вхолостую. Тогда, чтобы не терять зря накопленный в организмах родительский потенциал, решили они завести себе кота.

Вместо машины, на которую копили деньги пару лет, выбрали какого-то породистого в Питере с родословной на шестнадцати страницах мелким кеглем, купили его и полюбили. Кот оказался на редкость наглой и бессовестной тварью. Он быстро просек, что с ним сюсюкаются, обхаживают и целуют во все доступные места, и стал устанавливать в доме свои порядки. То есть Лариса с Андреем думали, что у них дома живет кот, а кот был уверен, что это у него дома живут Лариса с Андреем. На кресло кота садиться было нельзя, потому что он потом на них обижался, когда он приходил тереться об ногу, ногой нельзя было шевелить, потому что тогда он обижался, громко танцевать под музыку было нельзя, потому что… ну вы уже поняли.

– Слышьте, а вы когда трахаетесь, то кота в ванной закрываете или разрешения спрашиваете?

– Ты дурак!!! Как кота можно в ванной закрывать??? Это же наш пусечка!!!

Фигусечка, блин. Кот смотрел на всех гостей как на говно, потому что он знал, что, как бы ни были заняты хозяева, стоило ему жалобно мяукнуть – тут же прекращалось любое веселье и начиналось оказание неотложной медицинской помощи этому сибариту. Мы-то, конечно, хихикали над всей этой ситуацией, а ребята реально отдавались служению этой рогатой твари со всей душой. Ел он у них, кстати, только кошачьи консервы определенной марки и вкуса или вареную рыбку, но не какую-нибудь там путассу (которую ели гости), а «семушку» или «форельку» и из специальной раритетной фарфоровой тарелки 1782 года выпуска, которая досталась Ларисе в качестве приданого от бабушки.

Когда мы уже начали думать, что потеряли ребят навсегда, неожиданно на выручку пришел Господин Случай и старлей Паша.

Случай преподнес неожиданную путевку в санаторий «Аврора» в ноябре месяце. У нас-то в ноябре уже снежно-морозно-ветреный филиал ада на планете открывается, а в Хосте мандарины, бесплатное четырехразовое питание и грязевые ванны. Ну кто бы отказался? А старлей Паша был однокашником Андрея и его другом. Ему отдали кота на три недели. Вместе с котом ему передали кошелек денег, запас консервов и рыбы, а также тетрадь, в которой убористым каллиграфическим почерком Ларисы было расписано меню кота на неделю, график его расчесываний, и были нарисова-

ны схемы, как нужно складывать губы, когда целуешь кота.

– Не, Эдик, – тыкал мне Паша эту тетрадку, – ну они вообще нормальные?

Неделю Паша исправно кормил кота консервами и терпел его наглость. Ну рыбой-то красной мы сами закусывали из специальной раритетной фарфоровой тарелки 1782 года выпуска, стоит заметить, а коту пытались подсовывать хека, но кот хека не ел, а ел нас глазами, пока мы ели его форель.

Надо сказать пару слов про Пашу, чтоб дальнейшая история была вам более понятна. Паша был молод, хорош собой, не женат и с усами. Притом, что Паша был не женат, он очень любил регулярный секс сам по себе, как секс. То есть для того, чтоб Паша возбудился и захотел спариться, нужно было только наличие женского полового органа в принципе, а все остальные ТТХ партнера отходили не то что на второй план, а вообще за дальние горизонты. Мы даже один раз спорили, что вот если нарисовать вокруг дырки в заборе карандашом волосы, то вдует Паша или нет? И предположили, что, скорее всего, вдует. И именно потому, что Паша во внеслужебное время занимался только окучиванием всех доступных самок в окрестностях ста километров, жил Паша скромно. У него был хороший диван (ну вы меня понимаете), занавески в горошек и тумбочка под телевизор, видеомагнитофон и шикарный акустический центр. Вместо люстр у него висели бутылки от алкоголя с обрезанными донышками, а вместо продуктов дома были только пельмени, мака-

роны и иногда пайковая тушенка.

И вот приходит Паша поздним ноябрьским вечером домой, уставший от береговой вахты и недельного отсутствия секса. Снимает в холодной прихожей с замерзшей головы замерзшую шапку и вешает ее на специальный гвоздик. С замерзшего тела он снимает замерзшую шинель, с замерзших рук – замерзшие рукавицы, а с замерзших ног – замерзшие ботинки. Кот ходит и недовольно орет.

– Заткнись, тварь! – ласково говорит ему Паша, ставит себе воду для пельменей и идет в ванную снимать лед с усов и бровей. Кот орет под дверью в ванную.

– Изыди, сотона! – по-хорошему советует ему Паша и идет забрасывать пельмени в воду.

Но тут Пашу посетил самый большой облом при варке пельменей: когда вода закипела и Паша полез в морозилку, оказалось, что пельменей у него нет. В холодильнике стояла одна банка кошачьих консервов, а в шкафчике валялось полпакета вермишели. Так как есть просто вареную воду Паша не очень любил, то он сварил себе вермишель и замешал туда кошачью консерву с молодым барашком. Нет, конечно, Паша не был садистом или что еще и поэтому честно разделил блюдо пополам: половину – себе, половину – коту.

– Иди жрать, черт! – позвал Паша своего временного квартиранта и сел ужинать.

Кот прискакал галопом и ткнулся в миску. Он сначала не понял, что происходит, и мяукнул на всякий случай, глядя

на Пашу.

– Ну, не хочешь, не жри, – согласился Паша.

Кот ушел в комнату, а Паша, чтоб не пропадать добру, решил доесть и котовую порцию. А кот, видимо, передумал и, решив, что голод не тетка, вернулся ужинать. А ужина-то и нету! А ужин-то его Паша уже хлебной корочкой с тарелки вычищает. И кот от избытка, видимо, чувств совершил роковую для своей дальнейшей судьбы тактическую ошибку. Он ударил Пашу лапой по ноге.

Если вы думаете, что Паша вспылил, то вы совсем не знаете Пашу. Паша домакал остатки консервов хлебушком, помыл посуду и позвал кота.

– Ты что, твареныш, на офицера военно-морского флота лапу поднял? – и Паша взял кота за шкирку и понес его по своей однокомнатной квартире для поиска наказания.

Конечно, скажете вы, кота можно было бы просто побить, но Паша был не такой и вообще против телесных наказаний детей, женщин и животных. Он посадил кота в ванну, накрыл его сверху тазиком для стирки носков, прижал гирькой для накачивания бицепсов и открыл воду тонкой струйкой на тазик.

– Скажи спасибо, что мы не в Китае, а то прямо на темечко тебе лил бы воду! – успокоил Паша кота и пошел в комнату посмотреть какое-нибудь кино. А так как Паша поел, согрелся и диван у него был уж очень уютный, то Паша уснул.

Проспал он, может, час, может, полтора и проснулся от

чувства какого-то незавершенного дела. Пришел в ванную и увидел, что она уже почти полная, а из-под воды жалобно мяучит кот.

– Вот видишь, как подводникам тяжело!!! А ты их лапой бьешь!

Чтоб не травмировать кота, Паша вычерпал воду кастрюлькой в раковину, а потом уже убрал тазик. Кот пулей выскочил из ванной и забился под диван.

– Вот будешь знать теперь, скотина! – пожелал Паша коту спокойной ночи и лег спать дальше.

За пару дней до приезда Андрея и Ларисы мы культурно отдыхали у Паши. Ну, то есть пили алкоголь и слушали классический рок, но только культурно.

– Слышь, Паша, – говорю я, – а чо тварь эта так похудела-то у тебя?

– Дык зарядку со мной делает, здоровый образ жизни ведет.

– А ты его хоть кормишь-то?

– Канешн! Смотри.

Паша отломал корочку хлеба и бросил коту прямо на пол. Кот, который раньше не ел ничего, кроме своего диетического меню из своей специальной тарелки, схватил хлеб всеми четырьмя лапами и стал так аппетитно его грызть и так благодарно при этом смотрел на Пашу, что мне первый раз в жизни захотелось его погладить.

– Да ты Куклачев, мать твою!

– Да что там Куклачев! Жаль, Лариска завтра приезжает, он бы у меня через неделю в магазин за пивом на велосипеде ездил бы!

– Так у тебя нет же велосипеда.

– Ну, значит, на лыжах!

– Ну давай за правильное воспитание!

– Ну давай!

Лариса с Андреем потом долго удивлялись, что как это так – раньше кот у них вел себя как бог, и уже они подумывали вести его в Питер к специальному кошачьему психологу для привития немножко уважения к хозяевам, а тут за три недельки кот ест все, что дают, никому не мешает, выполняет команды «Ко мне», «Сидеть», «Место», «Да чтоб твою мать!», смывает в унитазе и даже пытается подметать за собой шерсть.

Так вот, Лариса и Андрей, теперь вы знаете эту историю, которую Паша рассказал мне по большому секрету. Рады небось были тогда, что деньги за вторую машину психологу кошачьему не отдали? Так вот – Паше спасибо!

Атомный кот

У Василия было порвано правое ухо и щека, от этого казалось, что он все время улыбается. Но Василий никогда не улыбался, потому что был суровым военно-морским котом, а шрамы свои получил в боях с крысами. Чтоб снять с себя после прошлого рассказа обвинения в котофобии, посвящаю Василию отдельный рассказ.

Жил Василий на тяжелом атомном подводном крейсере стратегического назначения ТК-13 и состоял там на полном довольствии. Его даже кто-то в шутку вписал карандашом в абсолютно секретный ТКР (типовые корабельные расписания). Службой Василия на крейсере была ловля крыс.

Крысы не водились на подводных лодках, которые ходили в море, но стоило лодке постоять у причала с годик – и вот они: тут как тут. А ТК-13 к тому времени не был в море года два, наверное, или три, и поэтому крысы его уже вовсю облюбовали и заселили двумя прайдами: один в ракетных отсеках, другой в жилых. Вы, конечно, можете спросить, а каким путем крысы попадали на борт подводной лодки, а я вам расскажу, так как видел это собственными глазами, и с тех пор мне кажется, что если крысы были бы размером с собаку хотя бы, то все наше с вами относительно мирное существование на этой планете давно бы уже закончилось. Крыса забегает по длинному швартовому концу, который висит и болтается, и пулей шмыгает в надстройку. Оттуда она поднимается

по двухсекционному трапу к рубочному люку и спускается вниз по вертикальному трапу. Так же, кстати, они выходили погулять, ну или там в магазин сбегать, не знаю – не спрашивал. Как они узнавали о том, что корабль не ходит в море – загадка. Я всегда с интересом разглядывал приказы вышестоящих инстанций, но нигде в рассылке не замечал адресата «Крысиному Королю, бухта Нерпичья, пирс № 3». Хотя, может быть, писали специальными чернилами для крыс.

Мы приняли ТК-13 на время, чтоб ее экипаж сходил в полноценный отпуск (два месяца для неплавающих), а нашу крошку в это время повел в море разбивать об лед не скажу какой экипаж. Пришли мы дружным табором с вещичками на корабль, минут за десять подписали акты и начали дружно пить, отмечая приём-передачу корабля, то есть знакомиться с матчастью. Сижу я в центральном и щелкаю кнопками своего пианино, и вдруг чувствую на себе чей-то взгляд. Поворачиваюсь – на комингс-площадке сидит какое-то черно-белое чудовище с порванным ухом и улыбается мне.

– Ты кто? – спрашиваю у него.

– Мяу! – говорит оно.

– Да я вижу, что не собака, зовут-то тебя как?

– Василием его зовут, – отвечает мне командир ТК-13, выходя с нашим из штурманской рубки, где они выпивали, в смысле пересчитывали карты. – Саша (это уже нашему командиру), вы его тут не обижайте мне! Он у нас крысолов знатный, и вообще умнее минера нашего, и вообще душа

коллектива!

– Умнее минера – это не показатель, конечно. Но что ты, Володя, мы детей, животных и минеров не обижаем.

– Саша, не приму корабль обратно, если что! Ты меня знаешь! Подвинься, Василий! – Василий двигается, и они уходят.

Здесь я и столкнулся в первый раз с таким явлением, как крыса на подводной лодке. На удивление хитрые твари, доложу я вам. Проникали всюду и воровали все, что хоть как-нибудь можно было съесть. У меня, например, однажды украли сосиску из банки с железной крышкой. Прихожу в каюту, а на полу лежит банка, которая стояла в закрытом секретере, крышка открыта, и сиротливо лежит одна сосиска. А было-то две!!!

– Дииииима! – кричу начхиму в соседнюю каюту. – Иди-ка сюда-ка!

Высовывается Дима.

– Ты зачем, – говорю, – сосиску-то у меня украл?

Дима смотрит на банку:

– Эдик, ну посмотри на меня. Разве я похож на человека, который украдет одну сосиску, если может украсть две?

Логично, конечно.

Ставили мы на них крысоловки везде, Василию объясняли, чтоб не трогал приманку в них. Не трогал. Крысы попадались, но все равно не истреблялись, поэтому на Василия был расписан график – с кем сегодня он спит в каюте.

Каждый день, я подчеркиваю – каждый день, – в восемь часов вечера, когда вахта собиралась в центральном посту на отработку, Василий приходил с задушенной крысой, бросал ее у кресла дежурного по кораблю, выслушивал похвалу в свой адрес и гордо уходил.

– Э-э! – кричали мы ему сначала. – Крысу-то свою забери!!!

Но потом поняли, что Василий был аристократом по натуре и есть крыс брезговал. Он просто их убивал. Поэтому верхний вахтенный, приходя заступать в восемь часов вечера, всегда приходил с пакетиком. Получал автомат, патроны и крысу. Выходя на ракетную палубу, он размахивал крысой над головой и, когда слетались чайки, бросал ее в воздух. Потом пять минут наблюдал за инфернальной картиной разрыва крысы на части, вытирал брызги крови с лица и шел охранять лодку. Кстати, знаете, мне кажется, что если северным чайкам подбросить в воздух человека, то они и его сожрут, может быть, даже с пуговицами.

Пару раз мы пытались вынести Василия на волю погулять. Он ошалелыми глазами смотрел на Вселенную и кричал на нас:

– Что же вы делаете,*фашысты*!!! Немедленно верните меня на борт!!! Я же корабельный кот или где?!

Мы выносили его на пирс и отпускали:

– Василий, ну сходи там себе кошку найди какую-нибудь, разомни булки-то!

Но Василий пулей бежал к рубочному люку и сидел там – ждал, пока кто-нибудь его не спустит вниз. Аристократы, видимо, не только крыс не едят, но и по вертикальным трапам не ползают.

А потом нас собрали в море. Ну вы же герои у нас, чо, сказало нам командование, не слабо ли вам выйти на этом престарелом крейсере в море на недельку-другую, потешить, так сказать, старичка, напоследок. Конечно, неслабо. Что делать с Василием – решали на общем офицерском собрании. Василий сидел на столе, лизал яйца и внимательно слушал.

– Что делать-то с Васей будем? В море брать его страшновато, вдруг не выдержит, может, домой кто отвезет на время?

– Да как домой-то, он же из лодки выйти боится.

– А давайте тогда на время на двести вторую отдадим?

– А давайте.

Отнесли Василия на соседний борт и ушли в море. Возвращаемся, а на пирсе нас встречает родной экипаж ТК-13, заметно отдохнувший, загорелый (хорошо быть нелинейным экипажем), и радостно машет нам фуражками.

Дружной толпой заваливаются на борт еще до того, как поставили трап.

– Так, где Василий? – первым делом спрашивает командир ТК-13 у нашего.

– Да на двести вторую его отдали, чтоб не рисковать.

– Саша, я тебя предупреждал! Или подай мне сюда Василия, или мы пошли дальше в казармы водку пить и развра-

щаться!!!

– Эдуард, сбегай, а? А то мне этот береговой маразматик всю плешь проест!

А чего бы и не сбегать? После двух недель в море задница-то как деревянная. Иду на двести вторую.

– Вы к кому, тащ? – интересуется верхний вахтенный двести второй.

– К деду Фому. Скажи там своим мазутам береговым, пусть начинают суетиться – морской волк на борт поднимается!

– Центральный, верхнему! Тут к вам моряк какой-то пришел. Выглядит серьезно.

Ну вот то-то и оно. Спускаюсь вниз, и на последней ступеньке мне ка-а-а-ак вцепится в жопу кто-то когтями и ка-а-ак давай лезть по моему новенькому альпаку ко мне на грудь!!! Василий, понятное дело. Худой весь какой-то, весь облезлый.

–*Чтовыскотыменябросилшуроды!!!* – кричит мне Василий, глядя прямо в лицо. – *Дакаквыпосмеличервименясмоегородногокорабляунести!!! Жывотные!!! Жывотные вы!!!*

– Позвольте, – отвечаю, поглаживая его. – Василий, но мы для Вашего же блага постарались, здоровье Ваше, так сказать, поберегли. Лодка же такая же, и люди тут хорошие, котов не едят!!!

–*Заткнись!!!* – продолжает кричать на меня Василий, но хотя бы не кусает и когти расслабил. – *Заткниськозелинеси-*

менядомойпокажив!!!

– Ну, – говорит дежурный по двести второй, – две недели тут просидел под люком. Не ел почти ничего и все вверх смотрел. Вынесли его на землю один раз, он все пирсы оббегал и сел потом на вертолетной площадке в море смотреть. Чуть отловили его обратно на борт. Ну и характерец!

Несу Василия обратно за пазухой, а там его уже командир ждет, волнуется (наш-то в кресле спит, а этот бегает по центральному).

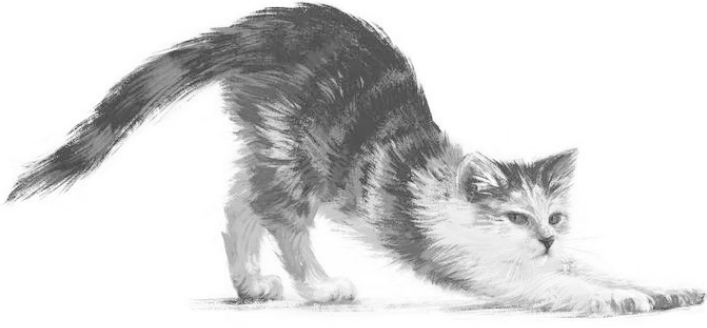
– Принес? Принёс его?!

– Ну, – говорю, – вот жешь он!

И стою наблюдаю картину, как седой капитан первого ранга целует Василия во все места подряд и радуется прямо как малое дитё, а тот урчит (ну оба урчат, чего уж) и трётся об своего папу. Чуть на слезу меня не прошибли, вот вам крест!

Так что я не то чтобы не люблю котов, но я привык любить конкретные личности, а не мегатонну фотографий в интернете.

Марина Степнова



Зона

Последнее время она все чаще возвращалась с работы поздно – вялая, раздраженная и голубовато-бледная от бесплотной, накопившейся за день усталости. Он выходил ей навстречу в крошечную, неудобную, как купе, прихожую, но она молча, незряче проносила свое небольшое, трогательно продуманное тело мимо – даже не мимо – насквозь, роняя по пути с тихим фисташковым стуком одну черную туфельку запылившегося детского размера, другую, с древесным ше-

лестом сбрасывая помятый плащик, лунного цвета платье и простенькое хлопчатое белье в мелкий, едва ощутимый человеческой мыслью цветочек.

– Есть хочешь? – привычно интересовался он, бережно, как сухие, ломающиеся листья, собирая разбросанные по полу невесомые одежки – кукольно-маленькие в его огромных ладонях доброго и несчастного Железного Дровосека.

Она отрицательно мотала темной волнистой головкой – аккуратная мальчишеская стрижка, открывавшая твердые прямоугольные ушки и слабую впадину на затылке, делала ее почти нестерпимо, болезненно женственной – и, прихватив с полки первую попавшуюся книгу, запиралась в ванной комнате.

Отмокала она долго, обстоятельно, сначала молча грохая чем-то неудобным и скользким, потом сквозь распаренный рев воды начинало доноситься невнятное мурлыканье какого-нибудь давно прошедшего романса, и наконец, когда нехитрая мужская еда на большом обеденном столе успевала окончательно и неаппетитно застыть, в недрах захламленной одинокой квартиры хлопала дверь.

Вода делала ее мягче и проще, она даже честно бралась за вилку, но, ковырнув два-три раза вчерашнюю сосиску, обессиленно отодвигала тарелку.

– Невкусно? – спрашивал он виновато, он совсем не умел готовить, теряясь и путаясь в обилии сложной кухонной утвари и стесняясь напомнить, что когда-то в их доме гото-

вила она, радостно поднимая крышки над клокочущими кастрюлями и розовея от плотного, напоённого теплом и сытостью пара. Но это было давно, и тогда она ждала его вечерами, с ликующим визгом бросаясь навстречу щелкнувшему в замке ключу, и они начинали жадно целоваться прямо на пороге, торопясь и больно стукаясь зубами, словно вот-вот должен был тронуться эшелон, тяжело груженный смертью, войной и будущим горем, и одному из них предстояло на ходу прыгнуть на высокую подножку.

– Нет, спасибо, очень вкусно, я просто устала, – с отстраненной, безупречно дозированной вежливостью отвечала она и, щуря длинные, льдистые глаза, встряхивала потрепанный спичечный коробок.

Он торопливо вынимал из кармана зажигалку, но она уже затягивалась, глубоко всасывая нежные бледные щеки и быстро-быстро тряся в воздухе умирающей спичкой. Она просто не замечала предупредительно подставленного огонька, и он, мучаясь от чужой неловкости, прятал так и не пригодившуюся зажигалку обратно – в карман хороших парадных брюк. Последнее время он ходил дома нарядным, почти торжественным – в сорочке, которую раньше надевал только на заседание кафедры, и в мягком пушистом свитере, словно надеясь, что она вынырнет из своего темного, глубокого морока и прежними, сияющими, влюбленными глазами увидит его заново – высокого, худого, беспомощно одинокого человека в тяжелых очках со свинцовыми стеклами. Но

она ничего не замечала, она вообще больше не видела ни его, ни дома, ни свитера, в котором они когда-то поцеловались в первый раз и который она раньше часто – с какой-то живой восторженной нежностью – гладила узкой ладонью, словно любимую кошку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.